

да здравствует
демократическая республика!

ЦѢНА ОТД. № ВЪ 35 К. И НА СТ.
РОЗН. ПРОДАЖЪ 40 К. ЖЕЛ. ДОР.

НОВЫЙ

306

1917 N

САТИРИКОН

№ 18

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1917
МАЙ

Рис. Ре-ми.

ТОСКА О ТВЕРДОЙ ВЛАСТИ.

Обыватель: — О дорогая тѣнь! Если бы ты знала, какъ я тоскую о тебѣ подъ лучами слишкомъ жаркаго для моего организма солнца свободы...

ЗАЧѢМЪ РАЗРѢШИЛЪ?

Господи!
 Зачѣмъ порохъ
 Позволилъ выдумать людямъ —
 Синій порохъ?
 А самъ до сихъ поръ ихъ
 Оставляешь безъ свѣта...
 Милосердно ли это
 Къ людямъ?
 Какъ будемъ?
 Какъ?
 Проживемъ ли на свѣтѣ,
 Если — порохъ!
 Если — олово!
 Да вѣдь люди же — дѣти,
 Горячія головы:
 Глаза
 Полные страха, если гроза;
 Улыбки,
 Если въ запрудѣ
 Плещутся золотыя рыбки —
 При солнечномъ свѣтѣ
 Въ запрудѣ.
 Господи!
 Только дѣти,
 Да пойми же —
 Дѣти только — бѣдные люди!
 Пойми же!...
 Имъ серебряныя коньки бы,
 Имъ бы — ложки,
 Мячи,
 А не бомбы дать бы!
 Пускай бы играли въ свадьбы,
 Въ дни воскресныя,
 Ловили бы солнечныя лучи...
 Маленькіе, смѣшныя, неизвѣстные...
 Пускай бы пѣли надъ пашней
 И каждый сегодняшній день
 Благодарили бы за день вчерашній
 Ну, а ужъ если порохъ есть,
 И никто не уничтожить —
 Силь нѣтъ, —
 Если порохъ есть,
 Развѣ же человекъ не можетъ
 Множество изготовить ракетъ,
 Какъ въ старо-древнемъ Китаѣ,
 Если порохъ есть —
 Въ небѣ ночномъ тая
 Почему бы цвѣтамъ не цвѣсть?
 Милліонами искръ
 Падать бы внизъ
 Въ цвѣтеньѣ зеленомъ,
 Аломъ,
 Лиловомъ,
 Къ стройнымъ колоннамъ,
 Темнымъ каналамъ,
 Къ рыбачьимъ щедрымъ уловамъ
 На уснувшій заливъ,
 Въ дикій горный обрывъ,
 Гдѣ на днѣ камни молчатъ,
 Волчица стережетъ сонныхъ волчатъ,
 Прошлогоднихъ листьевъ сгребши ворохъ, —
 Было бы хорошо такъ —
 О, Господи!
 Зачѣмъ же разрѣшилъ порохъ,
 И ружья и пушки и власть тюремныхъ рѣшотокъ!

Валентинъ Горянской.

ОНЪ НЕ ДОВОЛЕНЪ.

Исторія о многихъ.

Помню, это было въ мартѣ мѣсяцѣ. Мурышовъ вбѣжалъ въ комнату, истерически глотнулъ воздухъ и дрожащимъ отъ умиленія голосомъ сказалъ:

— Господа... Въ Россіи революція.

Лицо у него было такое и тонъ былъ такой, какъ будто бы это онъ самъ Павелъ Ивановичъ Мурышовъ стоялъ въ очереди на революцію, выдежурилъ ее и принесъ намъ показать, какъ нѣкогда носилъ показывать билеты на пріѣзжихъ, знаменитостей.

— Вы рады, Павелъ Ивановичъ? — осторожно спросилъ я.

— Я?

У него навернулись слезы отъ обидности такого вопроса.

— Да, можетъ ли не радоваться цвѣтокъ, на котораго упалъ лучъ живит...

Цѣлые дни онъ ходилъ по комнатамъ и купалъ насъ въ волнахъ сладкаго умиленія.

— Вы знаете, — захлебываясь, говорилъ онъ, — это же не революція. Нѣтъ, честное слово, нѣтъ... Да развѣ это революція, когда сегодня при мнѣ солдаты несли на рукахъ офицера, а у того красный бантъ...

— Что же они его на улицѣ изжарить должны были и съѣсть что ли? — отмахивались мы.

— Да-съ, — горячо откликнулся Мурышовъ, — насчетъ ѣды не знаю, а въ другомъ государствѣ изжарили бы... То есть, вы понимаете, хлѣба нѣтъ въ городѣ, а прови еще меньше... Я обѣгалъ всюду: улыбаются, смѣются, цѣлуются...

— Какъ же не улыбаться, — вмѣшался кто-то изъ насъ, — вѣдь произошелъ такой вели...

— Да, господа, но вѣдь сейчасъ революція, — подчеркивалъ поднятіемъ пальца Мурышовъ важность историческихъ момента, — а революція, это такое, когда народъ бѣгаетъ съ топориками, идутъ толпицы, когда головы летаютъ какъ канарейки... Нѣтъ, господа, не было и не будетъ такой революціи...

— Развѣ? — неосторожно спросила какая-то дама, — а вотъ мнѣ кто-то рассказывалъ, что въ какой-то исторической книжкѣ, о какой-то странѣ...

Мурышовъ на другой день пришелъ обросшій книгами о революціяхъ. Не было ни одной самой маленькой революціи на какомъ-нибудь изъ острововъ Архипелага, о которой бы у Мурышова не оказалось двухъ монографій и семи воспоминаній современниковъ.

— И все-таки еще разъ говорю, что такой революціи какъ у насъ, господа, еще не...

Прошелъ мѣсяцъ, въ теченіе котораго я что-то рѣдко встрѣчался съ Мурышовымъ. Какъ-то я зашелъ къ нему и засталъ его въ скверномъ, особо тревожномъ настроеніи. Въ такомъ состояніи находятся люди, у которыхъ болитъ что-то внутри и они сами не могутъ догадаться, тифъ это, или почки. Или когда сомнѣваются, дойдетъ ли въ цѣлости багажъ съ вокзала.

— Что съ вами, Павелъ Ивановичъ?

— Да, что знаете... Кому теперь весело...

— А что, — оттепель дѣйствуетъ?

— Да, что тамъ оттепель. Хуже: двоевластіе. Очень ужъ эти товарищи дѣйствуютъ...

— Какіе товарищи, Павелъ Ивановичъ?

— Да всѣ эти. Совѣты, тамъ, организація, комитеты... Есть же у насъ правительство... Я, знаете, самъ революціонеръ и отецъ у меня въ свое время и семья наша вся... Но правительство, я все же уважаю.

— Видите ли, дѣло въ томъ...

— Ахъ, я знаю, что вы скажете... А все-таки какъ ни

говорите, — правительство. Насъ съ вами вотъ не посадили...

Онъ подошелъ ко мнѣ, взявъ меня за локоть и сталъ долго рассказывать о томъ, какъ онъ третьяго дня проснулся среди ночи, вспомнилъ о двоевластии и не могъ уснуть до пяти утра.

* * *

Черезъ нѣсколько дней онъ пришелъ ко мнѣ самъ. Поздоровался, хмуро заходить по комнатѣ и, наконецъ, со вздохомъ сказалъ:

— Да-съ... Вотъ тебѣ и диктатура пролетариата...

— Въ чемъ дѣло, Павелъ Ивановичъ?

— А, теперь и вы спрашиваете, въ чемъ дѣло? — оживился онъ, — а дѣло вотъ въ чемъ. Нанимаю я сейчасъ извозчика. Отъ меня къ вамъ проситъ семь рублей. Я говорю, — какъ не стыдно тебѣ... А юнъ, знаете, такъ усмѣхнулся нагло: садись, говоритъ, на козлы да и вози всѣхъ по двугривенному... Вотъ тебѣ и свобода... Охамѣль народъ.

— При чемъ же тутъ диктатура пролетариата?

— Не при чемъ думаете? А то, что на улицахъ грязь, сѣмячки лущать, въ трамвай залѣзть нельзя, — это вамъ не революція...

— Да, но вѣдь и во время каждой революцій...

— Ну, нѣтъ, извините-съ... Возьмемъ хоть англійскую. Тамъ, батюшка, въ трамвай ребенокъ влѣзетъ. Тамъ тебѣ солдатъ по улицамъ не разгуливаетъ, тамъ кухарка носа на сторону не воротитъ...

Прощаясь, онъ съ мрачной улыбкой спросилъ:

— Читали?

— Что читалъ?

— До вотъ насчетъ этого-то... Товарищи, значить министрами будутъ? Я привыкъ, чтобы министра по имени, отчеству знать, а вдругъ товарищъ такой-то будетъ сидѣть въ кабинетѣ, а я Павелъ Ивановичъ Муръшовъ... Нѣтъ, знаете, тяжеленько, что-то насчетъ демократіи...

* * *

Слишкомъ легкомысленно было бы сказать, что на немъ лица не было. Наоборотъ, что больше всего въ эту встрѣчу бросалось въ глаза, такъ это Муръшовское лицо, — блѣдное, испуганное, съ большими зрачками, въ которыхъ мутно отражалась газетная хроника вечернихъ изданій.

— Гибнемъ! — схватилъ онъ меня за руку. — Погибаемъ...

— У васъ что, семейное что-нибудь? — ласково спросилъ я.

— Если бы, — гражданственно уронилъ онъ, — если бы... Россія гибнетъ.

Такимъ тономъ въ мрачныя времена средневѣковья говорили люди, присужденные къ колу.

— Вы какъ это по газетамъ?

— По всему. На фронтѣ братаются. Забываютъ, что священный долгъ каждого гражданина, одѣтаго въ защит...

— А почему вы...

— У меня отсрочка по заводу. Да и по 38 статьѣ... Рабочіе требуютъ повышения заработной платы. Маршрутъ трамвая № 11 пересталъ дѣйствовать... Делегаты съ фронта говорятъ...

— А когда же мы окончательно погибнемъ, Павелъ Ивановичъ?

Онъ подумалъ.

— Да ужъ не позже, чѣмъ къ половинѣ іюля... Я вчера одного вліятельнаго человѣка на фарсѣ встрѣтилъ, — онъ такъ и говоритъ: къ половинѣ іюля.

Мы пошли съ нимъ по улицѣ.

— Одна надежда, — сурово произнесъ онъ, — это Учредительное Собраніе. Россія благоразумна... Благоразумный народъ любитъ власть...

* * *

Пройдетъ еще три-четыре мѣсяца. И если не будутъ правильно ходить трамваи, если на улицахъ будутъ валяться скорлупа сѣмячекъ и окурки, если солдаты будутъ толкаться на тротуарахъ, а потерявшія тонъ газеты будутъ рыдать и извиваться въ построчной печали, что черезъ три недѣли и четыре дня Россія будетъ провинціей Финляндіи, — эта скотина Муръшовъ вбѣжитъ ко мнѣ въ комнату и рыдающимъ голосомъ закричитъ:

— Нѣтъ... нѣтъ... Я революціонеръ... Былъ имъ и останусь... И отецъ у меня и вся наша семья... Но

знаете, когда была твердая власть, когда я зналъ, что кто-то слѣдитъ за порядкомъ... Нѣтъ, тогда было лучше...

Товарищи! Не переполняйте трамваевъ, не бросайте окурки на тротуары, отплевайтесь въ безлюдныхъ переулкахъ, возвращаясь съ фронта, рассказывайте о томъ, что каждый изъ васъ привезетъ на память жирныя внутренности прусскаго ландштурмиста и что русскій народъ, включая сюда чувашей и бродячихъ инородцевъ, хочетъ видѣть у своихъ ногъ самоопредѣленіе національностей.

Иначе мой сосѣдъ по лѣстницѣ Павелъ Ивановичъ Муръшовъ будетъ очень недоволенъ русской революціей.

Арк. Буховъ.

М Я Т Е Ж Н И К Ъ .

Пахнетъ влагой. Дуетъ морянка.
Полусвѣтло надъ заливомъ.
Прячутся мысли пугливо,
Не хочется думать о строчкахъ, о гранкахъ,
Хочется быть счастливой.
Пахнетъ моремъ и теплой ночью.
На вашихъ губахъ умираетъ слово.
Нѣтъ ничего — ни грубаго, ни злого,
Нѣтъ чернилъ, нѣтъ строчекъ,
Есть *мы* — и ничего другого.
Не уходите. Завтра будетъ уныло,
Завтра уже не наше.
Я знаю, мятежное васъ плѣнило,
Я знаю, ждетъ васъ алая чаша,
И, темныя фіалки нѣжно цѣлуетъ,
Я безъ тоски смотрю, мой милый другъ,
Какъ пальцы вашихъ тонкихъ рукъ
Сжимаютъ сталь, холодную и злую.
Не уходите! Завтра разорветъ
Моей любви ненужное плѣненье,
И жизни пламенный водоворотъ
Умчитъ васъ отъ блаженной лѣни,
Отъ радости непроизвучавшихъ словъ,
Чью музыку еще вчера любить могли вы.
Не уходите! Сказочный уловъ
Готовитъ намъ дно Финскаго залива.
Но нѣтъ, не мнѣ, усталой,
Сковать нетлѣнное звено:
Надъ вами лучъ змѣнится алый,
Васъ ждетъ нездѣшное вино,
Вина земли — вамъ мало.

Лидія Лѣсная.

Рис. Б. Антоновскаго.

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ.

Парикмахеръ: — Бросили бы газетку, господинъ, а то у васъ такъ лицо вытягивается, что придется съ васъ взять двойную плату за бритве...

Рис. Ре-ми.

МОДНЫИ ДЕВИЗЪ.

„Повидимому, подъ влияніемъ грозныхъ событій начинаетъ объединяться и крупная буржуазія“.

(Изъ газетъ.)

— Въ единеніи сила!

ЖУТКОЕ.

Фельетонъ Аркад. Аверченко.

Четверо встрѣтили пятого криками.

— Наконецъ-то, голубчикъ! Теперь всѣ въ сборѣ... Садись. Закусывай. Выпей рюмочку.

— А я торопился — газетъ еще не успѣлъ проч...

— Тсс! Сѣдашовъ, предупреди же его: вѣдь онъ не знаетъ нашего священнаго договора.

— А что такое?

— Ч-чортъ! совсѣмъ забылъ. Дѣло, видишь ли, въ томъ, что мы рѣшили сдѣлать этотъ завтракъ совершенно оригинальнымъ: всѣ мы обязуемся ни слова о политикѣ!! Согласенъ?

— Еще какъ! Привѣтствую! Одобряю! Прелестно удумано. А то нынче задыхаешься въ атмосферѣ этихъ министерскихъ кризисовъ, вопросовъ о проливахъ, о братаніи, обо всѣхъ этихъ эсерахъ Плехановыхъ...

— Да какой же Плехановъ эсеръ?! Онъ эсдекъ.

— Что вы говорите! А я смотрю — онъ такъ здраво рассуждаетъ, что...

— Ясно: меньшевикъ.

— Да-а... Этотъ бы черезъ Германію не проѣхалъ! Этотъ не сталъ бы подстрекать народъ съ балкона къ сепаратному миру!!

— Это вы намекаете на Ленина? Но вѣдь Ленинъ...

— Господа!.. Чтobъ вы лопнули! Вѣдь было же рѣшеніе не говорить о политикѣ, хоть на время завтрака!.. Не-

ужели, нѣтъ другихъ темъ? Ну хоть анекдотъ расскажите, что ли.

Сѣдашовъ, будто вспомнивъ что-то, махнулъ рукой и залился беззаботнымъ смѣхомъ.

— Есть! Ей Богу, есть новый анекдотъ. Прямо замѣчательный!

— Тсс! Слушайте...

— Пріѣзжаетъ въ деревню сознательный гражданинъ и рѣшаетъ просвѣтить крестьянъ насчетъ новаго режима. Является на сходку и приличнымъ случаю тономъ начинаетъ вѣщать мужичкамъ о принципахъ свободы, равенства и братства. Товарищи! — говоритъ, — царизмъ палъ, и Россія стала свободна. Теперь всѣ равны, всѣмъ должно быть одинаково, и отнынѣ у насъ въ свободной Россіи не будетъ ни эллина, ни іудея! — „Слава Тебѣ Господи, — истово перекрестились безтолковые мужички. — И хорошо, что не будетъ“.

Анекдотъ имѣлъ шумный успѣхъ.

— Смѣшно. Очень смѣшно. только, къ сожалѣнію, немного черносотенно. Выходитъ, что русскій мужикъ даже и безъ натравливанія бывшаго начальства въ душѣ своей — юдофобъ...

— А я съ этимъ не согласенъ. По-моему, русскій мужичекъ въ массѣ совершенно аполитиченъ. Но зато и въ патриотизмѣ русскаго мужичка позвольте мнѣ усомниться. Ему были бы пироги съ кашей да теплая лежанка, а тамъ нѣмецъ ли имъ командуетъ или японецъ...

— Ложь! Клевета на мужика! Хотя Керенскій и...

Раздался оглушительный стукъ. Пара чьихъ-то дюжихъ кулаковъ обрушилась на столъ.

— Рты салфетками позатыкаю! Кто давалъ слово не говорить о политикѣ?! Что вы, какъ ямщицкія лошади къ привычному

кабаку, сворачиваете на политику! Мало ли есть темъ — искусство, театр!

— Ахъ, вы знаете, былъ я вчера въ театрѣ... На гастроляхъ московскаго Малаго театра... Какое наслажденіе — Садовская, Южинъ! Какая талантливая молодежь!

— А я пошелъ одинъ разъ и закаялся.

— Почему? Извергъ! Вамъ не понравились москвичи?

— Москвичи мнѣ понравились, публика мнѣ не понравилась. Кашляютъ, смѣются въ неподходящихъ мѣстахъ. Во время дѣйствія громко разговариваютъ!!

— Свобода! Хи-хи.

— Позвольте, — что значить свобода? Свобода вовсе не даетъ права вести себя по-хамски. Или мы сознательные граждане или кучка взбунтовавшихся рабовъ! Керенскій... Ой!..

— Убью! Ей Богу, бутылкой убью.

— Пусти, руку ломаешь. Ну, не буду... Я, братцы, сообщу вамъ новость совсѣмъ изъ другой плоскости... Сѣдашова вчера видѣли съ прехорошенькой блондинкой. Говори, несчастный, кто она?

— А что — правда, хорошенькая?

— Цвѣточекъ. Лица я не успѣлъ разглядѣть, но ножки!

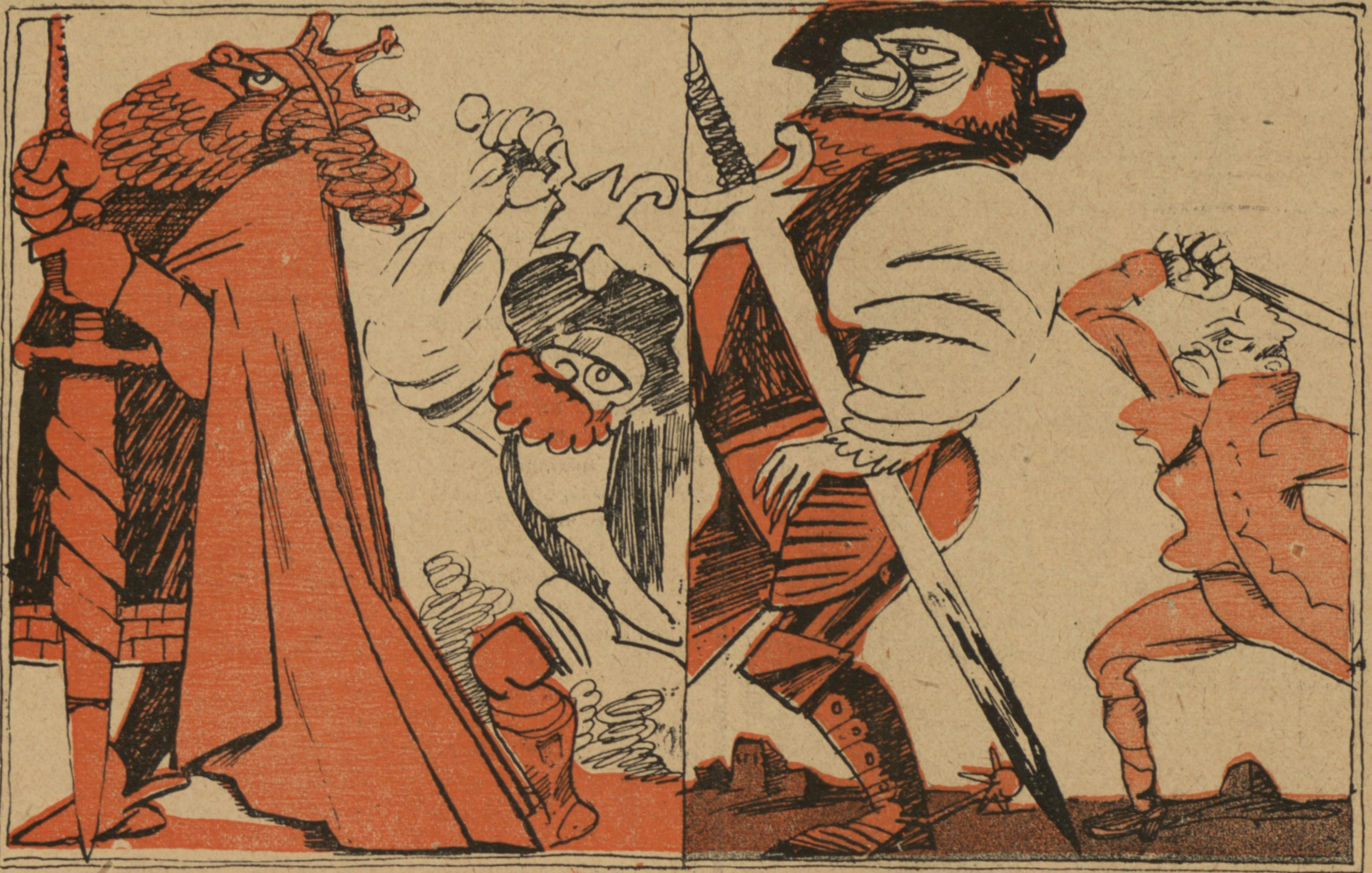
— По-моему, женская нога — эта экзаменъ на чинъ. Я по ногѣ, какъ Кювье по одной косточкѣ, могу опредѣлить все остальное.

— Раньше, когда носили длинныя юбки, это было потруднѣе.

— Да... Теперь такая мода пошла, что некрасивую ногу никакъ не спрячешь.

ВСЕ МЕЛЬЧАЕТЪ...

Рис. А. Радакова.

Сначала вассалъ нападалъ на сюзерена.

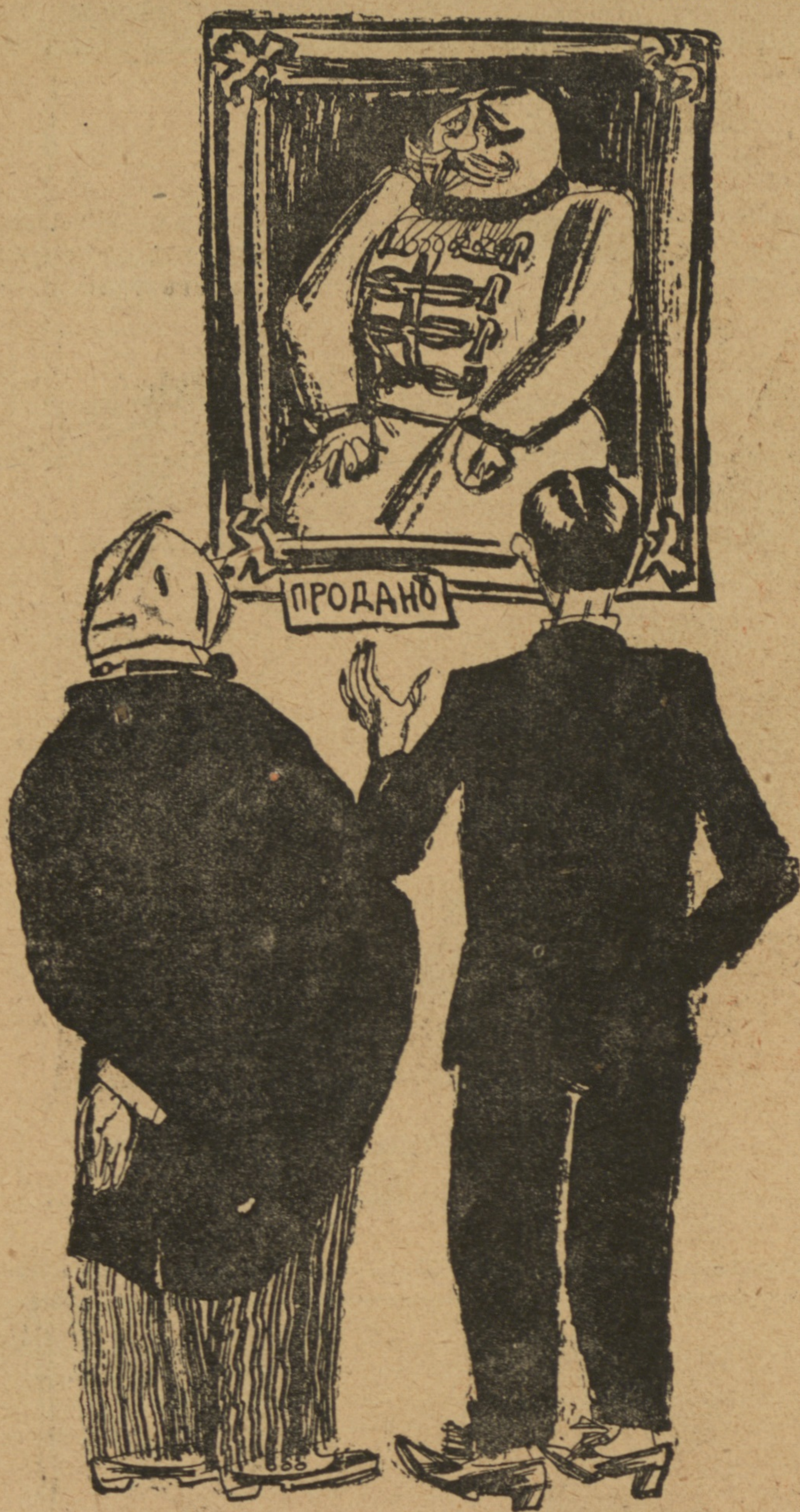
Потомъ баронъ на вассала.

Затѣмъ — буржуй на барона.

И, наконецъ, рабочій на буржуя...

Рис. В. Л.

АНАХРОНИЗМЪ.

— Чортъ знаетъ, что такое, подъ портретомъ Сухомлинова стоитъ: „Продано“.

— Чего жё вы-то возмущаетесь?

— Во-первыхъ, это безграмотно: не „продано“, а проданъ, а во-вторыхъ, это уже очень запоздалое сообщеніе — это даже при старомъ режимѣ всѣ знали...

— Зато онѣ и ботинки стали себѣ откалывать такіе, что... Однимъ словомъ, деликатессы!

— Деликатессы-то, деликатессы... А вы знаете, сколько за этотъ деликатессъ деруть?

— При чемъ тутъ „деруть“ — разъ есть такса на обувь...

— Попробуй купить по таксѣ. Прежде всего, тебѣ просто не продадутъ...

— То есть какъ это не продадутъ? А если я милиціонера позову?!

— Ну, кто теперь съ милиціонерами считается!

— То есть какъ же это такъ?!

— А вотъ такъ же. Если какіе-то проходимцы являются въ чужой особнякъ, занимаютъ его, живутъ, пьютъ, ѣдятъ, а милиція ходитъ вокругъ да около...

— При чемъ тутъ милиція? Разъ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ... Ой!

— Ей Богу, убью! Возьму ножикъ раскрою, какъ устрицу ротъ и вырву языкъ.

— Я не виноватъ. Это онъ началъ!

— Господа, при чемъ же я? Я нарочно свелъ разговоръ на женщинъ заговорилъ о блондиночкѣ...

— Да какъ же такъ вышло, что съ блондиночки на Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ переѣхали?

— Чортъ его знаетъ. Не везетъ.

— Придется сидѣть и молча пить водку. Вамъ можно?

— Мм... мм.

— Да что вы мычите!? Налить или нѣтъ?

— Мм... м...

— Въ идиотизмъ впалъ человекъ! Что это за мычанье?

— Боюсь спросить.

— Что боитесь спросить?

— Настоящая это водка или разведенный спиртъ?

— Чего жъ тутъ страшнаго? И спросили бы, это не политика.

— Нѣтъ, ужъ я лучше помолчу. А то спросишь: „Спиртъ это?“ — „Нѣтъ, чистая водка“. — „Да что вы говорите? Гдѣ достали“. — „У одного знакомаго акцизника“. — „Неужели акцизники не боятся и при новомъ строѣ тайно продавать водку?“ — „Э, батенька, — скажете вы, — развѣ новому строю за всѣмъ не услѣдить. У него есть болѣе важныя задачи: общая организація твердой власти, коалиціонное министерство... А третій ввязнетъ своимъ тупымъ умишкомъ да и брякнетъ: „Вѣдь, коалиціонное министерство уже образовалось, чего же еще надо?“ — „Этого мало, — оживленно вступить третій идиотъ. — Надо чтобы страна сознала свою отвѣтственность передъ союзниками“.

Молчавшій до сихъ поръ Съдашевъ вдругъ оживился:

— Конечно, надо! А вы что же, несогласны съ тѣмъ, что сепаратный миръ былъ бы...

— А-р-р-р-р!!

— Кар-рауль!! Люди добрые — ножемъ рѣжугъ. Убиваютъ!!!

Грохотъ опрокинутаго стола заглушилъ всѣ звуки...

Аркадій Аверченко.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Раньше столичныя газеты печатали телеграммы изъ провинціальныхъ городовъ только о землетрясеніяхъ, или, по крайней мѣрѣ, о затопленіи двухъ уѣздовъ. Все, что было меньше землетрясенія и затопленія, учету не подавалось.

Теперь обывательскимъ душамъ, владѣющимъ перышкомъ въ рукѣ, до того хочется доказать, что вся страна горитъ огнемъ полной анархіи, — что газеты уже начали печатать такія телеграммы:

Въ селѣ Большихъ Глушицахъ, Николаевского уѣзда, Самарской г., явившійся безъ воинскихъ документовъ солдатъ Акакинъ съ группой мѣстныхъ солдатъ разогналъ комитетъ и терроризовалъ населеніе. (.Р. Сл.*).

Тамбовъ. Во время пожара пьяными солдатами безпричинно избить и арестованъ участковый начальникъ милиціи Гуленко. (ПТА).

Не пройдетъ и трехъ недѣль, какъ въ „Рѣчи“ въ отдѣлѣ „Анархія по сообщенію собственныхъ корреспондентовъ“ начнутъ печататься такія приблизительно телеграммы:

Малыя Сапожишки, Тамбовской губерніи, Новохоперскаго уѣзда, Семирвановской волости. Вчера произошелъ новый случай взрыва анархіи. Дезертиръ Пахомъ Щина, 86 лѣтъ и мѣстный ленинецъ Власть Еропукинъ 7 лѣтъ, сойдясь въ многолюдное собраніе, разбили чернильницу въ волостномъ правленіи. Тамбовъ въ опасности.

Или:

Саратовъ. Мѣстная чернь, ворвавшись въ магазинъ бр. Карбашкиныхъ, схватила на шесть копеекъ сѣмячекъ и вышла, не заплативъ денегъ. Человѣческихъ жертвъ пока нѣтъ.

А дома тѣ же испуганные будутъ говорить еще опредѣленнѣе:

— У меня, знаете, прямо анархія... Во-первыхъ, ботинокъ уже два часа не могу найти, а во-вторыхъ, въ цѣломъ домѣ ни одной коробки спичекъ... Куда мы идемъ? Куда насъ тянетъ русская революція?

Радость.

Среди темныхъ вѣстей и слуховъ пріятно остановиться на свѣтлой радостью вѣсти о войнѣ и мирѣ, пришедшей къ намъ изъ Америки. Оказывается, что:

Два выдающихся американскихъ инженера, отправляющіеся въ Россію, на вопросъ о возможности заключенія мира въ ближайшемъ будущемъ заявили, что въ Америкѣ считаютъ совершенно невозможнымъ окончаніе войны раньше, чѣмъ черезъ два года.

И все-таки это не рекордъ продолжительности, потому что черезъ эти самые два года присоединятся еще острова Тонга-Тонга, и два лучшихъ кулинера и три уполномоченныхъ отъ лучшихъ специалистовъ по бамбуку заявятъ, что война еще протянется 11 лѣтъ.

Граждане, кто больше?
Разъ, два...

Послѣ 37 лѣтъ.

Не всякая продолжительная служба полезна и приводит къ разумнымъ результатамъ. Такъ долгое пребываніе въ пѣхотѣ иногда не хорошо дѣйствуетъ на общее представленіе о политическомъ моментѣ.

Въ особое совѣщаніе по преобразованію арміи поступило любопытное предложеніе отъ одного офицера, прослужившаго въ войскахъ 37 лѣтъ. Онъ предлагаетъ для полного успокоенія умовъ уволить гвардіи полковника Николая Александровича Романова въ отставку безъ мундира и пенсіи.

Въ свое время для скорого и рѣшительнаго окончанія европейскаго конфликта предлагали предать Вильгельма анаемѣ, а англичане объявили его не то морскимъ пиратомъ, не то карманнымъ воришкой. Это было болѣе снисходительное средство, да и то не помогло.

На воробья съ пушками.

Единственный человѣкъ, который не только по политическимъ, о нихъ мы не знаемъ, — но и по чисто личнымъ соображеніямъ долженъ не переносить Ленина — это Шляпинъ. Три тысячи репортеровъ не могли бы послѣднему составить такую бѣшеную рекламу, какую создаютъ для Ленина испуганные его именемъ люди.

Изъ Симферополя, на примѣръ, телеграфируютъ:

Въ виду усиленныхъ слуховъ о предстоящемъ приѣздѣ въ Евпаторію Ленина, исполнительный комитетъ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ Евпаторіи постановилъ признать въ принципѣ приѣздъ Ленина нежелательнымъ и проситъ начальника гарнизона выдѣлить караулъ для ежедневной поѣздки въ Саки съ цѣлью недопущенія приѣзда Ленина. Наконецъ, если бы Ленину и удалось проскользнуть въ Евпаторію, то немедленно арестовать его и выслать обратно.

Когда городъ объявляетъ себя на военномъ положеніи передъ приходомъ шести нѣмецкихъ корпусовъ, это обычное явленіе, но изъ-за одного Ленина — это уже звучитъ не столько гордо, сколько глупо. Раньше такъ охраняли города только во время приѣзда Николая II.

Лучше не надо.

Объединеніе такъ объединеніе — какъ сказалъ одинъ человѣкъ, утащивъ съ окна самоваръ.

Съ разрѣшенія исполн. комитета общественныхъ организацій въ слѣдующее воскресенье устраивается въ работномъ домѣ первое собраніе хитровскихъ воровъ и грабителей. Двое изъ нихъ выпустили воззваніе къ товарищамъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится: „Сейчасъ мы живемъ, какъ травленные звѣри, принуждены воровствомъ добывать себѣ пропитаніе, такъ какъ люди сытые не допускаютъ насъ къ честному труду. Намъ надо сообща обсудить наши дѣла, найти выходъ, надо создать свою организацію, свою газету, порвать съ жизнью преступленій и травли“.

При старомъ режимѣ было то же самое. Когда сходились четыре вора и семь жуликовъ, они всегда для своей реабилитации начинали издавать газету.

Съ кольцомъ въ ноздрѣ.

Корреспондентъ „Русской Воли“ А. Рубакинъ описываетъ красочную жизнь въ Салоникахъ:

Встрѣчается много черномазыхъ сенегальцевъ.

Къ русскимъ сенегальцы чувствуютъ какую-то особенную симпатію. Почему?

Разъ одинъ мой знакомый русскій офицеръ очутился въ одномъ ресторанчикѣ, гдѣ уже сидѣло нѣсколько сенегальцевъ. Видитъ, что тѣ на него смотрятъ ласково и привѣтливо ему улыбаются, сверкая зубами, бѣлыми и крѣпкими, какъ слоновые клыки. Подозвалъ онъ ихъ, стали они разговаривать на оживномъ французскомъ языкѣ. Сенегальцы говорятъ ему:

— Мы русскихъ очень любимъ!

— За что же вы ихъ любите? — спрашиваетъ офицеръ.

— А потому что русскіе такіе же дикіе, какъ и мы...

Этотъ странный отвѣтъ сенегальцевъ дѣлается совершенно яснымъ, если предположить, что сенегальцы судятъ о русскихъ по большевистской газетѣ „Правда“.

Вотъ, на примѣръ, какіе стихи по поводу новаго коалиціоннаго правительства помѣстила эта скорбная главой газета:

Возрадуйся, нація,
Новая комбинація.
Теперь-то будетъ у народа
Хлѣбъ и Свобода!!!

А не свобода, такъ права!

Зато былъ князь, а стали два,—

Съ прибавкой Церетели:

Достигъ онъ высшей цѣли.

Съ выходомъ газеты „Правда“ — годовое потребленіе яичнаго мыла въ Россіи сильно возросло: прочтеть читатель газетку, бросить и аккуратно и тщательно вымоетъ руки...

Конецъ одной комедіи.

Итакъ, занавѣсъ спустили: мировой судья выселилъ Ленина изъ дома Кшесинской.

На судѣ защитникъ Ленина оправдывалъ своего подзащитнаго очень мило и своеобразно.

— Ленинъ своимъ захватомъ сохранилъ дворецъ. Если бы не онъ, то толпа совершенно разрушила бы дворецъ.

Диалогъ:

— Молодой человѣкъ! Почему вы вынули у меня изъ галстука брилліантовую брошку.

— Сохранить хочу. У меня цѣлѣе будетъ.

Измайловскіе досуги.

„Русская Воля“ сообщаетъ.

Измайловцы отправляютъ сегодня на фронтъ свой „актерскій взводъ“, въ составѣ 36 человѣкъ, призванныхъ въ ряды арміи артистовъ и художниковъ Петрограда.

Среди нихъ есть очень популярныя въ мірѣ искусства имена: баритонъ „Музыкальной драмы“ Иванцовъ, теноръ Александровичъ, художникъ Судейкинъ, артистъ Курихинъ и др.

Очередная маршевая рота, съ которой отправляются артисты, собравшіе своимъ талантомъ и трудомъ не одну сотню тысячъ рублей на солдатскія нужды, составлена наполовину изъ... бывшихъ жандармовъ и городскихъ.

Этимъ знаменитые „Измайловскіе Досуги“ и окончились...

Доскакались.

Умѣнье подойти къ вопросу съ надлежащей стороны — это все!

На письменномъ столѣ бывшаго начальника московскаго охраннаго отдѣленія полковника Мартынова нашли листокъ, нѣчто въ родѣ отчета о скачкахъ. Въ качествѣ лошадей фигурируютъ дѣятели стараго строя.

Вотъ этотъ отчетъ:

1) „Толстякъ“ (Хвостовъ). Густой каракоровый жеребецъ Орловскаго завода, отъ „Губернатора“ и „Думы“. Камзолъ и рукава черные.

2) „Подхалимъ“ (Бѣлецкій). Безъ аттестата отъ „Хама“ и „Подлизы“. Скачку вель все время „Толстякъ“. „Подхалимъ“ на серединѣ круга рискованнымъ броскомъ хотѣлъ выдвинуться и неудачно прижалъ „Толстяка“, который завалился и долженъ былъ съѣхать съ круга.

3) „Первачъ“ (Штюрмеръ). Рыжий жеребецъ завода Б. В. Ш., отъ „Серьезнаго“ и „Правой“. Камзолъ черный.

4) „Мурать“ (Муратовъ). Соловый жеребецъ завода графа Бенкендорфа, отъ „Жида“ и „Болтовни“. Камзолъ цвѣтовъ яркихъ.

Погода слякотная, кругъ тяжелый, испорченный предшествовавшей скачкой. Игра оживленная.

Гдѣ-то теперь эти лихіе скакуны?

Большинство жуеетъ овесъ въ Петропавловской конюшнѣ, передѣланной изъ палатъ — обиталища лучшихъ людей Россіи.

Рис. Ре-ми.

С Ъ Р Е Н Ъ К І Й.

Я живу у Московской заставы,
Земляничный пью вечеромъ чай.
Мы съ сосѣдомъ изъ земской управы
Оказались рѣшительно правы:
Мы хватили давно черезъ край...
Не свободу намъ, кнутъ подавай!

Мы рабочихъ знаменами дразнимъ,
Мужиковъ къ беспорядкамъ зовемъ,
Власти нѣтъ безъ разстрѣловъ и казни,
Нѣтъ въ сердцахъ устрашенья, боязни,
Грянулъ третій рѣшительный громъ...
Но креститься мы будемъ потомъ.

Намъ свободъ отпустили не мало —
Бшь, гуляй, изъясняйся во всю,
Лѣзь въ толпу и не бойся скандала,
Кто почище — ругай какъ попало.
Припечатать на людяхъ люблю
Крѣпкимъ словомъ царя и семью.

Я готовъ отъ восторга въ пятнашки,
Какъ мальчонка на волѣ играть.
На душѣ — развеселя пташки,
За двугривенный «Гришки и Сашки»
Можно чудный романъ прочитать,
На пуховую влѣзши кровать.

Объщали женѣ въ воскресенье
Запрещенный цензурой рассказъ —
«Цесаревичъ и тайна рожденья».
Не рассказъ, говорятъ, — объѣденье.
Все, что скрыто для сердца, для глазъ —
Все тамъ просто, какъ есть, напоказъ...

И такую злодѣи свободу
Намъ прозять не оставитъ живой...
Развѣ можно простому народу,
Только нѣмцамъ шпионамъ въ угоду,
Бросить кличъ оголтѣлый, тупой —
«Все — народу... Долгой и долгой!!»

Александръ Флитъ.

Миръ съ аннексіями, контрибуціями и пр. и пр.

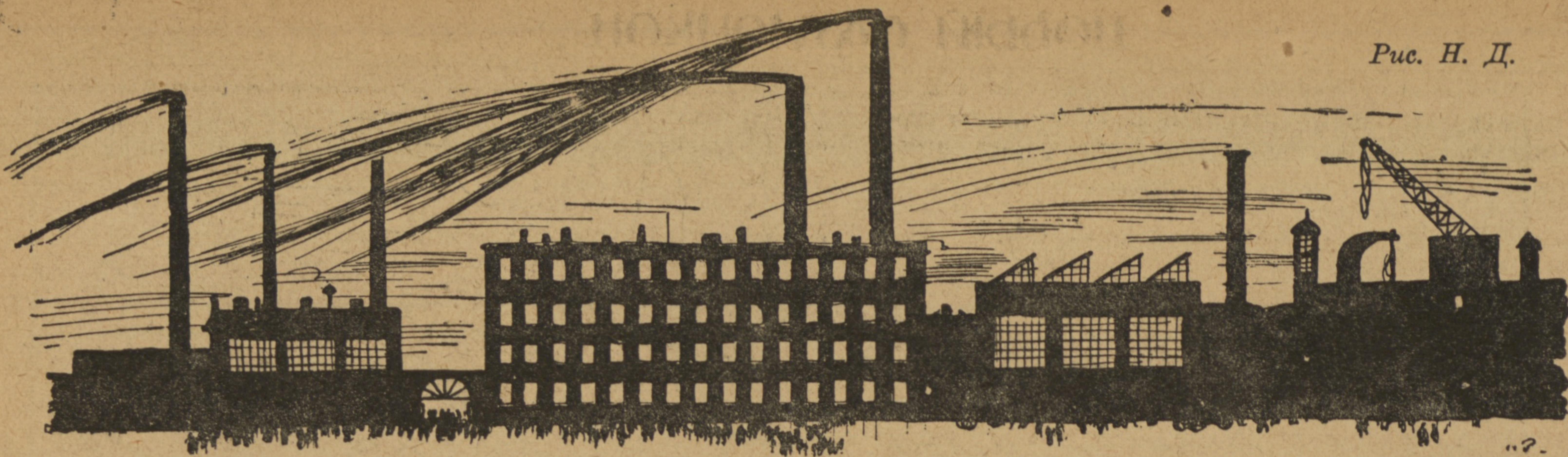
Миръ безъ нихъ.

Сепаратный миръ.

Миръ почетный.

ВОКРУГЪ РАЗВАЛИНЪ.

Интермедія А. С. Трина.

I.

Дворецъ Кроваваго Пижона.

Я не люблю войны. Это у меня съ дѣтства, безъ помощи знаменитой мамки. Правда, глубоко интересовали меня личности Суворова и Наполеона, но, если бы Суворовъ не игралъ въ бабки, не звонилъ на деревенской колокольнѣ и не говорилъ, гримасничая передъ зеркаломъ: «Помилуй Богъ!», — едва ли я вспоминалъ бы его косичку. Такъ и Наполеонъ: ему оставлены Пирамиды и знаменитый «Воздушный корабль» — произведение высокаго искусства — о личности. А одноклассникъ, тупой, тусклый и неинтересный Тимуръ вспоминается не чаще одного раза въ пять лѣтъ, — силой случайныхъ звуковыхъ ассоціацій съ «Тимоша», «Тамбуръ-мажоръ» и т. п.

Три года всматривался я въ глаза батальныхъ поэтовъ, всматривался пылливо, какъ докторъ, и ехидно, какъ соловей, наблюдающій «птичку Божию», — неизвѣстной породы. Какъ докторъ, я видѣлъ симуляцію воинственнаго бѣшенства, какъ соловей — ворону съ истрепаннымъ перомъ въ хвостѣ, добытымъ путемъ «аннексії».

Три года я заворачивалъ на Эзоповскомъ языкѣ длиннѣйшіе, потаенно заушающіе войну рассказы и три года мечталъ о томъ, что, наконецъ, наступитъ лихое времячко, когда, отряхавшись, смогу я искупаться досыта въ силоамской купели свободы слова.

Время это наступило.

Купаюсь!

Хорошо!

Такъ вотъ же вамъ:

«Состояніе войны» — состояніе глупости и убійства.

«Эвакуація» — насиліе.

«Аннексія» — грабежъ.

«Контрибуція» — шантажъ.

«Подводная война» — нападеніе изъ-за угла.

«Военный шпіонажъ» — проституція.

«Шовинизмъ» — хулиганство.

Все.

Заповѣдь новую даю вамъ: можете не любить другъ друга, но уважайте чужія скулы и ребра: не вы дѣлали ихъ.

II.

Теперь я сѣлъ на коня Паоло Трубецкого и поѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ конь былъ собственно жеребенкомъ. Память не измѣняетъ мнѣ, это — Гаага. Тамъ есть одна долина — мрачная, какъ дыра въ черепѣ и глубокая, какъ впадина черблужьихъ горбовъ. Тамъ, слышалъ я, стоитъ дворецъ Мира, — дворецъ Кроваваго Пижона, и захотѣлъ я посмотреть на него.

Такъ знайте же, что не простая описка была со стороны Куприна сказать: «голубь несъ въ зубахъ пальмовую вѣтвь». Тутъ работала интуиція. У того голубя есть зубы — острые и жестокіе, почти не знающіе пощады сплошные клыки, а что касается пальмовой вѣтви, — весьма удивительно, если она не достигаетъ назначенія. Похрюпывающая клыками «вѣтку палестины» и сплонувъ, напоследокъ, опрызокъ, новый птеродактиль, способный привести въ отчаяніе покойника Кювье, не только однимъ зубомъ, а обѣими челюстями, описываетъ въ воздухѣ пируэтъ и превращается въ ревушій бипланъ, дѣлающій, «съ высоты птичьяго уаза» нѣчто такое бомбами, по головамъ дѣтей и старухъ.

Когда мы пріѣхали, конь немедленно захрипѣлъ и издохъ, — бѣдняга не вынесъ очаровательнаго пейзажа, открывшагося намъ съ высоты какой-то горы. Я случайно ос-

тался живъ. Спустившись въ долину, я увидѣлъ дымящуюся развалины. Все выгорѣло вокругъ нихъ, — трава и цвѣты. Я свистнулъ — изъ пещеры вышелъ проводникъ въ красномъ трико, съ косыми бровями, огромнымъ ртомъ и носомъ, колесообразный изгибъ котораго напоминалъ лучшіе дни бабы-Яги. Два жесткихъ локона, странно приподнявшіеся надъ лбомъ, не качались отъ вѣтра.

Я сунулъ ему ассигнацію, взятую изъ кармана солдата, раздробленнаго шрапнелью. Ассигнація, пропитанная засохшей кровью, заставила чичероне взвизгнуть и поклониться.

Я. Этого, того. Тутъ быть замокъ.

Чич. Былъ, — въ лучшемъ видѣ. Отъ фундамента до крыши двѣсти футовъ, отъ крыши до фун...

Я. Гдѣ же онъ?

Чич. Сгорѣлъ. Посѣтители этой долины берутъ на память, по уполку. Фасадъ былъ... представлялъ...

Я. Отчего сгорѣлъ замокъ?

Чич. Мысль.

Я. Ась!?

Чич. Мысль! Потолокъ былъ выстроенъ изъ ружейныхъ стволовъ, крыша — изъ прямыхъ сабель, полъ — изъ ядеръ, а стѣны — изъ орудійныхъ дулъ. Карнизы и украшенія лицевого фасада составились изъ лафетовъ. Да, прочный матеріалъ употребили строители! Однако, каждый предметъ этого рода выдѣлывался людьми, которые, работая надъ нимъ, неизбежно думали объ убійствѣ и разрушеніи, — о назначеніи вещи. Таковъ законъ ассоціаціи. Мысли вошли въ металлъ, тлѣли и, раскаленные бездѣйствіемъ создавшей ихъ оболочки, вспыхнули свистящимъ пожаромъ. Все выгорѣло. Кроты полопались отъ жары въ норахъ, а трава... ея что-то не видно.

Я. Будь проклятъ!

Чич. Виновать-съ.

Онъ провалился, дохнувъ изъ подъ земли столбомъ сѣрнаго пламени, а я, закуривъ Radiogo, вышелъ изъ долины на нѣкое круглое возвышеніе, украшенное зданіемъ въ стилѣ Барнума. Послышался мелодичный свистъ крыльевъ, нѣжное гургулканье раздалось надъ головой и, клацая челюстями, кровавый Пижонъ на лету стащилъ изъ кармана платокъ. А у меня насморкъ!

III.

Дворецъ Мечтательнаго Орла.

Этотъ орелъ, одѣтый прилично, но безтолково, весь въ пуху, сидѣлъ за большимъ столомъ. Надъ глазами у него висѣлъ козырекъ, — ибо косые лучи солнца, падая сквозь окно, тревсжили несовершенное зрѣніе бодрой птички. Орелъ шагнулъ ко мнѣ съ проворствомъ монастырскаго настоятеля, оповѣщеннаго о пріѣздѣ щедраго жертвователя. Я отстранилъ объятія.

— Интервью! — сказалъ я. — Изъ чего складенъ домишко?

— Такъ, кое-что, — отвѣтилъ онъ, топорща перья, какъ на монетахъ. — Книжки, чулочки дамскіе, портфельчики, золотцо, серебрецо, займишки, шпіончиковые досыешки... ничего таково... батальнаго. Развѣ, что еще — черепишки да берцовишки костышки, но это больше для футуризма, клянусь осердіемъ. Разсказишко не пожертвуете? Щели были кой-гдѣ, да я многими разсказиками позабывалъ... Терпѣть...

— Ничего я не дамъ, — сказалъ я сердито, — не надо клянчить. Что это за рукописи на столѣ?

— Это военные рассказы, — вздохнулъ орелъ. — Только они промоккли.

— Какъ промоккли?

— Чортъ знаетъ, что съ ними. Вотъ посмотрите. Стало просвѣчивать. Раньше читалось въ ординарѣ, поетъ въ двойномъ.

Я пододвинулъ ближайшую рукопись и сталъ рассматри-

вать страницы на свѣтъ. Дѣйствительно, за каждой строкой выступала болѣе блѣдная, но разборчивая вторая строка. Напримѣръ:

№ 1. *Подвигъ Ивана.* «Ура!» — закричалъ Иванъ, и отъ силы страшнаго патристическаго голоса бѣгущій врагъ упалъ на колѣни, задрожалъ, чихнулъ и выкинулъ изъ-подъ копытъ знамя».

То же. («Въ двойномъ».) «Иванъ не могъ догнать бѣгущаго и бросилъ въ него винтовку. Штыкъ воткнулся въ спину врага. Тотъ, съ штыкомъ въ спинѣ, продолжалъ бѣжать, обливаясь кровью».

№ 2. «Ура! за вѣру и царя!» — закричалъ ночью, въ халупѣ, полковой священникъ, разбудилъ спящихъ солдатъ и, ставъ во главѣ эскадрона, разбилъ на голову какую-то гидру».

То же. («Въ двойномъ».) «Спящіе въ халупѣ, вползку, проснулись ночью отъ неистовыхъ воплей. Кричалъ молодой священникъ, доведенный до изступленія заѣдавшими его насѣкомыми. Въ бѣшенствѣ, непечатными словами проклиналъ онъ царя и царскую фамилію. Спавшій рядомъ офицеръ припрозилъ ему револьверомъ... несчастный утихъ».

№ 3. *Молодецкое дѣло.* «Ура!» — закричалъ раненый въ молодецкое плечо рядовой Шапкинъ, приподнялся и бросилъ въ враговъ пушкой, отчего всѣ они и подошли.

То же. («Въ двойномъ».) «Я наступилъ ногой на нѣчто, какъ бы вмазанное въ размокшую, глиняную стѣну окопа. Раздался стонъ-пискъ... еле различимый. То былъ изрѣсеченный пулями, но живой еще солдатъ, котораго суматоха атаки вбила въ мягкую грязь стѣны».

— Тревожить? — спросилъ я орла, прочитавъ еще нѣсколько подобныхъ, чрезвычайно потѣшныхъ разсказиковъ.

— Какъ сказать, — заклекоталъ онъ, — непривычно оно, *непищеварительно*, видите ли. Несъѣдобно. И цели затыкать не годится. Хотите, я вамъ плакатцы покажу, а?

— Добивай.

Онъ водилъ меня по дворцу, а я читалъ:

«Улучшеніе расы».

«Развитіе отваги».

«Распространеніе языковъ».

«Товарообмѣнъ».

«Улучшеніе аппетита»...

Я плюнулъ и пошелъ прочь.

III.

Стемнѣло. Заблудившись, попалъ я въ огромное, топкое болото. Зажглись ночные огни, слетѣлись тѣни, — тѣни убитыхъ.

Все это были военные, — англичане, французы, русскіе, бельгійцы, нѣмцы — всѣ, отдавшіе дань Кровавому Пижону и Мечтательному Орлу. У костра собрался кружокъ.

— Пойдутъ воспоминанія о бранныхъ потѣхахъ, — рѣшилъ я, подслушивая изъ-за куста.

Ражій капитанъ Бриттъ сказалъ:

— Годдэмъ! У одноглазой старухи Попъ, въ ея «Пристанницѣ Сорванцовъ» былъ такой ужинъ, что дьяволъ худѣлъ отъ зависти. Однажды, будучи совсѣмъ трезвъ, зашелъ я, для храбрости хлебнуть этого ужина, дабы рѣшиться попросить Дженни быть моей женой. Когда я выпилъ, мой лѣвый глазъ завертѣлся въ одну сторону, а правый — въ другую. А потомъ завертѣлся я и признался въ любви только на пятые сутки.

— Хорошо женатымъ! — вскричалъ французскій капитанъ. — Я — холостякъ, но у меня была собака... борзая Пленеръ... мы чуть-чуть не разговаривали съ ней по телефону! Умъ — Вольтера и Дидро! Нѣжность — котенка! Быстрота — молніи! Ее задавило поѣздомъ. И я лишился лучшаго друга!

— А что скажете вы о крыжовникѣ, — *своёмъ* крыжовникѣ? — заговорилъ русскій полковникъ. — Вотъ вы построили дачку... у рѣки. Кусты темнѣютъ подъ вашимъ балкономъ. Туманъ, вечерняя звѣзда... жена кутается въ платокъ... читаетъ у лампы... самоваръ, — грустно и хорошо, и на тарелкѣ спѣлый, крупный, какъ орѣхъ, крыжовникъ!

— Гуть! — сказалъ нѣмецъ, кирасиръ съ флюсомъ; — я понимаютъ. Семейная ютъ корошій гуть. Моя Фрицхенъ ушилъ на герръ сотовникъ. Мой Лизхенъ билъ такая артистъ... лючшій Бетховенъ. Мой...

Въ этотъ моментъ, когда я думалъ, что услышу, наконецъ, бранныя восклицанія, изъ тумана грузно шлепнулась въ болото тѣнь гориллоподобнаго существа, съ пачкой винтовокъ въ лапахъ, вся въ орденахъ, лентахъ и съ пистолетомъ за галстухомъ. Тѣнь загудѣла басомъ:

— Наступленіе сомкнутыми колонами, въ случаѣ удачной диверсії, аттестуется Блюмомъ, Шомомъ и другими авторитетами, какъ таксвое...

Тѣни, вздохнувъ, растаяли. Горилла поднялась выше и, тыкая въ звѣзду пальцемъ, урчала:

— Звѣзда, которая не на груди, — преткновенна...

Исчезла и эта тѣнь...

Да исчезнетъ!

А. С. Гринъ.

КРАСНАЯ ГВОЗДИКА.

Испуганный.

Нѣкто, услышавъ пѣніе:

— «Вставай, подымайся, рабочій народъ!» — воскликнулъ:

— Опять?! Всталъ вѣдь и поднялся, чего же еще?!

Заплѣсневѣлая душа.

У него извозчикъ запросилъ лишній двугривенный, онъ ехидно улыбаясь, проронилъ:

— Вотъ она, свобода!

Онъ поскользнулся, упалъ и зашибъ ногу. Всталъ и прошипѣлъ:

— Ну, и свобода!

Его кухарка пережарила котлеты, онъ, трясясь со злости, задыхаясь, прошепталъ:

— Конечно, свобода!

Исидоръ Гуревичъ.

ДЕРЗНОВЕНІЕ.

Когда-то мнѣ заткнули бѣ ротъ,

Содрали бѣ шкуру.

Теперь чего бояться? Вотъ:

Долой цензуру!!!

Д—ь.

Рис. В. Лебедева.

НИЧЕГО НЕ ПОДЪЛАЕШЬ.

— Товарищъ ораторъ! Выше! Не видно!

— Товарищи! Я и такъ стою на двухъ бочкахъ!..

НЕ ВСЯКАЯ ПРОГРАММА ЯСНА.

Изъ особняка герцога Лейхтенбергскаго, занятого анархистами, вынесено много цѣнныхъ вещей.

(Изъ газетъ.)

Прохожій: — Такъ это и есть анархизмъ? Такая старая партія и такая легкая и несложная программа.

ПРИСПОСОБИЛИСЬ.

Редакціонное собраніе носило шумный и боевой характеръ. Революція поставила на очередь цѣлый рядъ насущныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ такъ или иначе должно было отразиться на физіономіи журнала. Сотрудники и редакторъ чувствовали себя пламенными республиканцами и вспоминали, какъ каждый изъ нихъ давно-давно, задолго до революціи, требовали установленія демократической республики.

— Товарищи! — открылъ засѣданіе редакторъ, — необходимо прежде всего выяснитъ характеръ беллетристики...

Присутствовавшій на собраніи беллетристъ, специалистъ по выпиливанію военныхъ разсказовъ, попросилъ слова.

— Товарищи, время не ждетъ! На первыхъ порахъ, дабы не задерживать печатаніе номеровъ, я предлагаю воспользоваться имѣющимися у каждого изъ насъ готовыми разсказами, произведя въ нихъ соотвѣтствующую передѣлку... Напримѣръ, у вашего покорнаго слуги имѣется въ карманѣ разсказъ: «Атака». Дѣйствіе происходитъ на фронтѣ, гдѣ храбрые солдаты подъ предводительствомъ храбраго прапорщика врываются въ гнусные нѣмецкіе окопы и захватываютъ гнусное прусское знамя...

— Старо! Старо! — раздались негодующіе возгласы.

— Терпѣніе, товарищи! Терпѣніе... Я беру этотъ разсказъ и нѣмцевъ передѣлываю въ протопоповскихъ городскихъ, германскіе окопы — въ участокъ, прапорщика — въ рабочаго, а солдатъ — какъ элементъ входящій и въ то и въ другое содержаніе, — оставитъ безъ перемѣны. Въ концѣ разсказа можно приписать двѣ-три фразы, — «Гнѣздо насилія пылало. Огонь веселыми искорками пробѣгалъ по плотнымъ пачкамъ истисанныхъ бумагъ и красными отблесками отражалъ радостныя, восторженныя лица новой революціонной Россіи. Приближался разсвѣтъ. Гдѣ-то далеко, за поворотомъ улицы, мягко гремѣла, всплывая насто-

рожившуюся ночь, торжественная Марсельеза...» — Что, не дурно?.. Затѣмъ мѣняю заглавіе, — вмѣсто «Атаки», «За свободу», — и разсказъ готовъ! Да и какъ готовъ! Прямо сдавайте въ наборъ, а вы, издатель, уподобитесь тому діакону, по отношенію къ которому была высказана еще въ XIX вѣкѣ сакраментальная фраза: — «Отецъ діаконъ, деньги на конь»...

Предложеніе беллетриста было единогласно принято, и журналъ, такимъ образомъ, былъ надолго обезпеченъ разсказами и повѣстями.

— Товарищи, ставлю вопросъ объ иллюстраціонной части. У насъ имѣется запасъ старыхъ рисунковъ и совершенно нѣтъ новыхъ. А между тѣмъ событія требуютъ иллюстрацій, и надо во что бы то ни стало вырѣшить этотъ вопросъ.

Съ докладомъ по поводу иллюстраціоннаго матеріала выступилъ секретарь.

— Не страшно, товарищи! Немного изобрѣтательности, и все пойдетъ, какъ по маслу. Въ портфель редакціи имѣется богатая коллекція царскихъ снимковъ. Мы можемъ печатать изъ номера въ номеръ портреты царя, царицы и всего царствующаго дома подъ эффектнымъ заголовкомъ: «Галерея преступниковъ», или «Тѣ, кто нами правитъ». Кроме того, у насъ имѣется фотографія, изображающая Николая II, слѣдящаго за красносельскими маневрами. Мы печатаемъ этотъ снимокъ и ставимъ внизу подпись, — «Кровавый царь наблюдаетъ за исполненіемъ смертныхъ приговоровъ въ 1905 году». Хорошо? Затѣмъ: снимокъ Николая II въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ. Мы помѣщаемъ его съ подписью: «Преступный царь пишетъ письмо Вильгельму и предлагаетъ сепаратный миръ»... Какъ видите, вопросъ не представляетъ особой трудности. Но, товарищи, необходимы видовые и жанровые снимки. У насъ, напримѣръ, хранится фотографія, изображающая залу одного изъ итальянскихъ музеевъ. Что вы скажете, если мы напечатаемъ ее, снабдивъ такой подписью: «Застѣнокъ въ Царскомъ Селѣ,

въ которомъ пытали наиболѣе важныхъ политическихъ преступниковъ?». Кромѣ того, друзья мои, большую помощь могутъ оказать иностранные журналы. Представьте себѣ фотографію какой-нибудь артистки въ роли Офелии, лежащей на травѣ. Подпись готова: «Изнасилованная царскими жандармами несчастная дѣвушка А. М. Л—ская!..» Или такъ: возьмемъ изъ рекламнаго объявленія какого-нибудь курорта фотографію желѣзнодорожнаго поѣзда и напечатаемъ подъ названіемъ: — «Царскій поѣздъ на станціи Дно». Ударно?

— Bravo! bravo! — закричали присутствовавшіе.

Поэты предложили рядъ уже готовыхъ, написанныхъ, стихотвореній, въ которыхъ слѣдовало замѣнить имя «Вильгельмъ», именемъ «Николай», — и стихотворенія сразу приобрѣтали ярко-революціонный характеръ. То же самое можно было сдѣлать и съ карикатурами. Вильгельму снимали усы, вмѣсто каски нахлобучивали фуражку, и получалась такая революціонная карикатура, что два мѣсяца назадъ за нее отослали бы автора на сѣверный полюсъ.

— Товарищи, — сказалъ редакторъ, — а какъ же съ мемуарами, воспоминаніями и личными впечатлѣніями?

Кто-то предложилъ взять популярный романъ: «Тайны мадридскаго двора» и сдѣлать соответствующую передѣлку. Другіе голосовали за «Трехъ мушкетеровъ». По этому вопросу мнѣнія раскололись, и было принято компромиссное рѣшеніе. «Тайны мадридскаго двора» и «Три мушкетера» принимались, какъ основной базисъ, съ равными правами, но отнюдь не какъ матеріалъ, а только, какъ извѣстное предъказаніе. Мемуары царя Николая II по неизданной рукописи рѣшили писать одинъ изъ сотрудниковъ.

* * *

... Прошло нѣсколько дней, и номеръ журнала появился на улицѣ. Читатель восхищался освѣдомленностью сотрудниковъ и необычайно-сенсационными иллюстраціями.

Если бы не цензура, право, мы уже давнымъ давно утерли бы носъ освѣдомленной европейской прессѣ и показали бы ей, почемъ сотня грешковъ! Ей Богу!

Бор. Мирскій.

МАСКИ ДОЛОЙ.

Говорю вамъ — сбросьте маски,
Вы, защитники короны!
Я не вѣрю вашимъ клятвамъ,
Явно скроеннымъ изъ лжи.
Отъ прекрасной свѣтлой сказки
Прочь, во тьму, хамелеоны!
Заявляю — я не братъ вамъ,
Лицемеры и ханжи!

Кто изъ васъ немилосердно
Рубцеваль бичомъ репрессій
Спину бѣднаго народа
И давилъ свободный духъ?
Отвѣчайте, кто усердно
Надѣваль колодки прессѣ.
Чтобы властный крикъ: «Свобода!»
Не терзалъ вашъ нѣжный слухъ?

Кто зажалъ въ кулакъ науку?
Запретивъ народу водку,
Кто въ желудки, какъ въ колодцы,
Цѣлый день вливалъ коньякъ?
Наложивъ на правду руку,
Кто держалъ ее за глотку?
Кто спускалъ на инородцевъ
Своры черныя собакъ?

Говорю вамъ — сбросьте маски,
Слуги стараго режима!
Слишкомъ ясенъ этотъ новый,
Неудачный маскарадъ!
Смойте розовыя краски
Неудавшагося грима.
Перекрашенные совы,
Маршъ скорѣй во тьму, назадъ!

Жакъ Нуаръ.

Рис. Б. Антоновскаго.

И ЭТО БЫВАЕТЪ.

Русскій: — Снимаю, братъ, съ себя всякую отвѣтственность за братоубійственную войну, которую началъ не я!
Нѣмецъ: — И я тоже снимаю!

Рис. В. Л.

ВОПРОСЪ БЫТА.

— И дернулъ меня чортъ взять изъ банка свои двѣсти тысячъ... Попробуй теперь — донеси ихъ домой пѣшкомъ. А извозчика взять — средствъ не хватитъ.

ДУРОЧКА.

Любовь Сергѣевна и Лидія Борисовна пили чай, когда въ столовую вошелъ Кедринъ.

— Знакомьтесь, господа! — сказала Любовь Сергѣевна. — Лидія Борисовна, Кедринъ. Вы слышали другъ о другѣ.

Кедринъ пожалъ дамамъ руки и сѣлъ.

— А мы здѣсь спорили о революціи, — весело сказала Любовь Сергѣевна, наливая Кедрину чаю. — Лидія Борисовна неисправимая пессимистка. Она не вѣритъ, что теперь начнется совершенно новая жизнь, легкая, радостная; что все, рѣшительно все будетъ гораздо лучше...

— Не вижу я что-то вашего улучшенія... Ни торта, ни пирожныхъ попрежнему нѣтъ. А конфеты можно достать только съ большимъ трудомъ; о цѣнѣ я уже не говорю...

Кедринъ помѣшалъ ложечкой чай и, взглянувъ на Лидію Борисовну, сказалъ:

— Завтра начнется выпечка сдобнаго хлѣба.

— Правда?.. — радостно воскликнула Лидія Борисовна.

— Да. Съ завтрашняго же дня начнутъ отпускать населенію ананасы по карточкамъ.

Любовь Сергѣевна засмѣялась, а Лидія Борисовна съ удивленіемъ взглянула на Кедрина, потомъ на Любовь Сергѣевну и спросила:

— Онъ шутитъ?

— Нѣтъ, не шучу.

— Но какъ же такъ?.. Ананасы вдругъ по карточкамъ...

— Да. Ананасы и устрицы.

Лидія Борисовна пожала плечами.

— Что тутъ удивительнаго? Жизнь теперь бѣшено движется впередъ. Вчера мы завоевали политическую свободу, сегодня наладили продовольственный вопросъ, а завтра примемъ за семью, за бракъ...

Лидія Борисовна испуганно посмотрѣла на Любовь Сергѣевну. Та засмѣялась.

— Рѣшено революціонизировать семью, школу, искусство... Начнемъ съ семьи. Бракъ въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ до сихъ поръ, упраздняется. Создается совершенно новая форма брака. Даже нѣсколько формъ. Жизнь покажетъ, какая изъ нихъ — лучшая.

— А что будетъ съ тѣми, кто уже состоитъ въ бракѣ? — спросила взволнованно Лидія Борисовна.

— Эти браки навѣрно распадутся сами собой, какъ распалось самодержавіе. Вѣдь все это давно спило...

— Но... — Лидія Борисовна поперхнулась. — Но я... я вотъ, на примѣръ, люблю своего мужа...

— Ну, и что же?.. — насмѣшливо спросилъ Кедринъ.

— Такъ зачѣмъ же распадаться нашему браку?

— Новыя формы будутъ настолько привлекательны, что вы первая потянетесь къ нимъ, какъ ребенокъ тянется къ блестящему предмету.

— Нѣ-ѣ-ѣтъ... Не потянусь. Я люблю мужа и онъ меня...

— Все это сильно преувеличено. Ваша любовь началась при старыхъ условіяхъ жизни и ей грошъ цѣна. Теперь начнется радикальная перестройка сверху донизу.

Любовь Сергѣевна, которая слушала Кедрину, съ трудомъ сдерживая смѣхъ, спросила:

— А вширь и вглубь тоже?

— Обязательно, — серьезно сказалъ Кедринъ.

Лидія Борисовна безпомощно оглянулась и спросила:

— Который часъ?

— Половина девятого, — отвѣтилъ Кедринъ.

— Минѣ пора...

— Такъ рано? — сказала Любовь Сергѣевна.

— Минѣ надо послать мужу телеграмму.

— А гдѣ онъ? — спросилъ Кедринъ.

— Въ Москвѣ.

— Поздно. Ему уже не нужна ваша телеграмма.

— П... п... почему?..

— А потому что москвичи опередили насъ. Въ Москвѣ уже сегодня въ 12 часовъ дня введены новыя формы брака. Выѣздъ изъ города временно воспрещенъ. Да... И бывший вашъ супругъ навѣрно ласкаетъ уже другую...

Лидія Борисовна рѣзко поблѣднѣла и немного погодя спросила:

— Скажите, а Учредительное Собраніе не можетъ оставить старыя формы брака? Можетъ? Вы знаете, — я совершенно согласна съ тѣмъ, кто говоритъ, что Учредительное Собраніе надо собрать возможно-возможно скорѣе...

Николай Бреневъ (В. Черній).

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Абу-Ага. — Полагаемъ, что незнаніе тонкостей военнаго дѣла могло бы удержать васъ отъ писанія военныхъ разсказовъ:

„... Раздался выстрѣлъ и огромная (?) пуля, вылетѣвшая изъ дула пушки, помчалась и т. д.“

Этого не могло быть даже въ томъ случаѣ, если упомянутая пуля отлита лично вами.

Ранчеросу. — Разсказъ напоминаетъ ту превосходную ватманскую бумагу, на которой онъ почему-то написанъ: шероховато и плоско.

И. Ко-ву. (Казанск. 7). — Вотъ мужчина, который беретъ отъ жизни все, что можно:

„Когда-то я любилъ позабавляться

И съ дѣвушками много колесилъ.

Теперь же я рѣшилъ за дамъ хвататься,

Зная, что съ дѣвушкой уходитъ много силъ“.

Видно, что вы большой шалунъ; и прямо таки позавидуешь разнообразію вашей пышной разсѣянной жизни: сегодня мужъ съ балкона сбросилъ, завтра съ лѣстницы спустить, тамъ просто зонтикомъ оттузиль... Недаромъ говорятъ: жизнь — борьба.

Со стихами сдѣлано все, что слѣдуетъ въ этомъ случаѣ.

Ave.

Редакторы: { А. Т. Аверченко.
Арк. Буховъ.
Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу

книга

Чудо въ пустынь.

Стихи Эдуарда Багрицкаго, Исидора Бобовича, Владимира Маяковского, Петра Сторицына, Сергѣя Третьякова, Анатолия Фioletова, Георгія Цагарели, Вадима Шершеневича.

Обложка работы С. ФАЗИНИ.

Цѣна 2 рубля. Выписывать можно непосредственно изъ склада изданія „Чудо въ пустынь“: Одесса, Херсонская, 64, кв. 8. Наложнымъ платежемъ цѣна 2 руб. 50 коп.

Новая Народная ЭНЦИКЛОПЕДИЯ.

(Съ иллюстраціями въ текстѣ.)

Измѣненіе существовавшего у насъ до сихъ поръ самодержавнаго строя вызоветъ расцвѣтъ свободной русской литературы. Русскій читатель сумѣетъ ознакомиться съ новыми сокровищами русской свободной мысли. Появятся новыя слова, новыя имена, новыя названія, которыя до сихъ поръ можно было произносить съ опаской. Читателю кто бы онъ ни былъ: священникъ, офицеръ, солдатъ, рабочій, ремесленникъ, приказчикъ и т. д. — нужно сейчасъ такое руководство, гдѣ онъ могъ бы почерпнуть всѣ свѣдѣнія, до сихъ поръ не имѣвшія возможности получить доступъ вслѣдствіе гнета полицейской и бюрократической цензуры. Новая энциклопедія будетъ состоять изъ 40 выпусковъ. Каждый выпускъ составитъ самостоятельное цѣлое. Въ энциклопедію войдутъ біографіи всѣхъ борцовъ за свободу, программы всѣхъ партій, обзоръ революціоннаго движенія во всѣхъ странахъ, избирательныя системы, свѣдѣнія изъ политической экономіи, рабоче законодательство и т. д. Кроме того, въ энциклопедію войдутъ біографіи всѣхъ слугъ реакціи и тирановъ, ибо народъ долженъ знать не только своихъ друзей, но и враговъ. Сюда войдутъ и біографіи разныхъ „старцевъ“ типа Распутина, клеветовъ, придворныхъ, „шентуновъ“ и др. Въ энциклопедію войдетъ также рядъ произвед. Л. Н. Толстого о войнѣ, о царизмѣ и др., бывшихъ до сихъ поръ подъ запретомъ. Всѣ 40 выпусковъ, составятъ большой томъ, чрезвычайно интересный для чтенія, а для лицъ, желающихъ работать теперь на общественной почвѣ, въ особенности для духовенства, народныхъ учителей, кооператоровъ, участниковъ разныхъ организаций — энциклопедія составитъ полезное руководство для пропаганды здоровыхъ идей о новомъ строѣ свободной Россіи. Изложена энциклопедія — просто, ясно, доступно всѣмъ и каждому. Обложка каждого выпуска будетъ украшена иллюстраціями и снимками. Къ составленію энциклопедіи привлечены лучшія литературныя силы. Подписная цѣна: 8 руб. за всѣ 40 выпусковъ. Первые выпуски выйдутъ на-дняхъ. Печатается ограниченное количество экземпляровъ, въ виду чего разсрочка не допускается.

Треб. адр.: Москва, Б. Гнѣздииковскій пер., 10, издательству Д. М. КУМАНОВА.

Отъ редакціи

Въ виду запросовъ новыхъ подписчиковъ, контора редакціи извѣщаетъ, что подписка на „Нов. Сат.“ на 1917 г. принимается только на цѣлый годъ съ платой 11 р., со всѣми приложеніями, объявленными ранѣе. Новымъ подписчикамъ журналъ будетъ высланъ только съ 16 №

Изучайте языки!

Это полезно, даетъ вѣрный кусокъ хлѣба, а изучить очень легко.

Самоучители итальянскаго и польскаго языковъ—2 р. 25 к. каждый, нѣмецк., франц., англ. и латинскій по 1 р. 75 к. каждый, финскій, шведск., татарск., персидск., турецк., норвежск., сербск., чешск. и испанскій по 1 р. 45 к. каждый. Адр.: Москва, Б. Гнѣздииковскій, 10, изд-ству Д. М. Куманова. Нал. пл. не выс.

Полезныя руководства.

1) Какъ поступить въ школу прапорщиковъ? Ц. 80 к. 2) Какъ сдѣлаться шоферомъ-автомобилистомъ? Ц. 60 к. 3) Какъ сдѣлаться мотоциклистомъ? Ц. 60 к. 4) Какъ сдѣлаться бухгалтеромъ? Ц. 50 к. 5) Какъ поступить въ милицію? Ц. 50 к. 6) Какъ сдѣлаться техникомъ-строителемъ? Ц. 85 к. 7) Какъ сдѣлаться техникомъ путей сообщенія? Ц. 75 к. 8) Полный курсъ электротехники—6 р. 90 к. 9) Энциклопедическій словарь въ одномъ томѣ. Ц. 6 р. 50 к. Налож. платеж. не высылается.

Адресъ: Москва, Б. Гнѣздииковскій, 10, издательству Д. М. Куманова.

Въ скоромъ времени выйдетъ первый номеръ журнала

„ЭЩАФОТЪ“.

Органъ памфлетовъ.

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу

Н О В Ы Й журналъ сатиры и юмора

„БАРАБААНЪ“

Цѣна № двадцать коп.

МЕДЛЕННО, НО ВЪРНО.

— А все-таки на своихъ костыляхъ я скорѣе добрался до свободы, чѣмъ они на своихъ автомобиляхъ...